

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ

УДК 141.33

Ю. А. ШАБАНОВА^{1*}

^{1*}Национальный горный университет (Днепр), эл. почта jshabanova@ukr.net; ORCID 0000-0001-5876-4140

МИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНТРОПОЛОГИИ ЭДИТ ШТАЙН: ОТ ФЕНОМЕНОЛОГИИ К ТОМИЗМУ

Памяти 75-летия трагедии в Бабьем Яру посвящается

Цель исследования: выявить мистические элементы антропологии Эдит Штайн как связующего начала между феноменологией и томизмом. Опираясь на **методологическое** определение философской мистики как совмещения теологической и философской доктрин, основанного на осмыслении переживания экстатического единения с Абсолютом, было выявлено, что феноменология, имплицитно устремлена к исследованию реальной структуры непосредственного опыта, который в своих пределах приближается к опыту мистическому. Для мистического характера творческого метода Штайн определяющим является не разум и даже не вера, а воля, устремляющая познание к мистическому единству имманентного субъекта и трансцендентного объекта в постижении истины. Являясь ярким представителем феноменологии, Штайн со временем расходится с Гуссерлем в некоторых положениях: 1. Штайн подразумевает мир как непосредственное созерцание сущности, выходящей за пределы тождества бытия и мышления; 2. По её мнению феноменология пренебрегает онтологическим Абсолютом, вследствие чего происходит его подмена структурно-познавательными задачами, что послужило причиной совмещения онтологии и гносеологии во взглядах Э. Штайн. 3. Штайн стремится выйти за пределы гносеологической рациональности в сферу философской мистики, где онтологический объект и гносеологический субъект в акте созерцания тождественны. 4. Недостаток метафизичности в феноменологии приводит Штайн к томизму, в котором она потенциально, ищет выход за пределы метафизики на уровень трансперсональных состояний сознания. 5. Штайн упрекает трансцендентализм за утрату мира, оставляя практически без внимания изменения в мировоззрении Гуссерля – его трансцендентальный поворот и генеалогию доверительного знакомства с миром. Эмпатия как модель экстраполяции принципа вживания в опыт Другого на мистический акт преодоления субъект-объектного противопоставления трансперсонального содержания и интуиция как движение внутрь себя, способность построить цельный образ, отрекаясь от субъектности, возвращая себе родовую, духовную субъективность представляются ключевыми конструктами эволюционного становления взглядов Эдит Штайн на пути к философской мистике. При этом мистическое не выпадает из феноменологического ряда, а наполняет его новым экзистенциальным смыслом. **Новизна** исследования заключается в выявлении продуктивного значения философской мистики в творчестве Эдит Штайн, обогатившей современную антропологию метаисторическим содержанием этико-экзистенциальных смылополаганий на основе синтеза философии сознания и томистской метафизики.

Ключевые слова: Эдит Штайн; феноменология; томизм; мистика; эмпатия; интуиция; этический субъект

Введение

Личность и учение Эдит Штайн, одного из значимых мыслителей европейской философии XX века, хорошо известной в философских кругах Германии, Польши, Франции, а также в Америке после второй мировой войны, практически выпали из исследовательского поля большинства восточных регионов Европы. В зарубежной литературе представлен достаточно обширный массив изданий, связанных с биографическими работами об Эдит Штайн, включающие и частичные экспликации её философских воззрений [12; 16; 21; 23]. Что касается философской литературы, посвящённой концептуальной оценке воззрений Эдит Штайн, то здесь позиции зарубежных исследователей носят противоречивый характер. Так, одна группа учёных относит творчество Штайн исключительно к сфере феноменологии, утверждая, что даже в её работах последнего периода, несмотря на их теологическую направленность, доминирует феноменологическая проблематика, связанная со спецификой сознания в акте интенции к Трансцендентному. К данной группе исследований следует отнести работы связанные с феноменологическим периодом творчества Штайн и рефлексией на её взгляды периода взаимодействия с Эдмундом Гуссерлем и представителями гёттингенской школы феноменологии [8; 9; 10; 18]. Особенно, следует отметить позицию исследователей, которые усматривают близость взглядов Штайн и Хайдеггера, на основе репрезентативного влияния мистических и гностических идей на формирование их феноменологической позиции. При этом феномен мистического противопоставляется рациональному и толкуется и у Штайн, и у Хайдеггера телеологически [24, с.11]. Немецкая исследовательница Анна Яни на основании феноменологических воззрений Эдит Штайн делает заключение о том, что зрелый период её творчества определяют понятия феноменологического ряда такие как «опыт конституирования» и «темпоральность» [22].

Другая исследовательская позиция творчества Штайн образует группу философов определяющих теологические воззрения

Эдит Штайн как доминантные. Это работы посвященные анализу её религиозных воззрений и проблем католической метафизики, в которых феноменологическая позиция Штайн практически не принимается во внимание [13; 14; 11; 17; 19; 25;]. К примеру, в издании «Штайн о Гуссерле и Томе Аквинском» собраны статьи ведущих исследователей в данной сфере, а именно Рене Рашке, Барбары Симонис, Франческо Альфьери, Питера Волека, Анны Джани, Ханна-Барбары Герл-Фальковиц, Юзефа Урам, и других, которые относят учение Штайн к теологии. В частности, исследовательница из Дрездена Ханна-Барбара Герл-Фальковиц определяет учение Эдит Штайн, в котором соединились «вызов мышления и смирение, иудаизм и христианство» [33, с.154] как «неотеология XX века в кармелитской практике жизни во Христе» [33, с.147]. Следует особенно выделить исследовательскую группу философов из Вроцлава¹ во главе с профессором Ежи Махначем, которые ежегодно проводят конференции, посвящённые осмыслению творчества Эдит Штайн с изданием проблемных статей современных философов и теологов [27; 28]. В данном контексте наблюдаются разносторонние версии рефлексивных оценок содержания творчества Эдит Штайн, но при этом феноменологические и теологические противопоставления сохраняются, провоцируя поиск разрешения проблемы содержательной оценки её взглядов.

Историки философии постсоветского пространства, практически оставили без внимания творчество видной фигуры европейской философии XX века. Отчасти это можно объяснить малочисленностью переводных первоисточников. Из переведенных на украинский язык следует назвать работы Эдит Штайн «Строение человеческой личности» [3], «Введение в философию» [4], «Что такое человек?» [5], а на русский – перевод с немецкого Ольги Корольковой ранней работы Штайн «Что такое философия? Разговор Эдмунда Гуссерля и Фомы Аквинского», опубликованного в одесском научном журнале «Докса» [7] и московского издания последней работы Штайн «Наука креста» [6].

¹ Польский Вроцлав в прошлом Бреслау, место рождения Эдит Штайн.

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ

Так восполнение целостности историко-философского пространства и обогащение его оригинальными взглядами немецкой мыслительницы позволит расширить рефлексивный ряд современной философии продуктивными идеями её воззрений и актуализировать проблемы сознания и самопознания в современном философском пространстве.

Ученица Эдмунда Гуссерля, скрупулёзный систематизатор его наследия, Эдит Штайн проходит путь от феноменологии гёттингенской школы до католической теологии и монашества. Её исследовательскую индивидуальность отличает критический ум, самоотверженный поиск истины и мистическая одаренность, позволяющая поставить её в один ряд с великими католическими мистиками, такими как Бернард Клервосский и Майстер Экхарт. Самостоятельный взгляд на сущность мышления и глубины религиозного сознания представляют Эдит Штайн как одного из немногих философов, одухотворивших свои теоретические штудии интуитивным стремлением к сокровенному и практикой жизненного служения идеалам Духа.

Тесно общаясь с известными представителями феноменологии того времени, такими как М. Шелер, В. Штерн, Р. Ингарден, М. Хайдеггер и многими другими, Эдит Штайн в поисках истины всё более устремляется к теологии, опираясь в основном на учение Томы Аквинского, работы которого она переводила на немецкий язык. Философия того времени не исключала теологию, особенно в антропологической перспективе. Для Штайн вопрос взаимодействия философии и теологии нашёл отражение в проблеме соотношения феноменологии и томизма. Теология, в размышлениях Штайн, становится способом разрешения феноменологических противоречий. Научное требование достоверности знания гарантируется, согласно Штайн, не аксиомой очевидности, а верой, которая приведёт мыслительницу к традиции христианской мистики. В этой связи, мистическая компонента воззрений Штайн, как наименее исследованная и при этом пронизывающая все периоды её философского творчества, является предметом данного изучения.

На основе противоречивых позиций относительно содержательной принадлежности

Штайн к феноменологии и томизму остаётся неразрешённой историко-философская проблема определения концептуальной доминанты её учения. Учитывая развитие её взглядов от феноменологии к томизму выявление мистической компоненты, как общего места представленных методологических позиций, представляется продуктивным разрешением противоречивых оценок Эдит Штайн в современном философском пространстве. В этой связи, цель данного исследования заключается в выявлении мистической компоненты в эволюции взглядов Эдит Штайн от феноменологии к теологии и её значения для глубинного осмысления определяющих идей в философском наследии мыслительницы. Мотив – экспликация продуктивных потенциалов мистической природы познания в формировании предельной целостности религиозно-философского подхода к постижению истины. Задачи исследования: методологическое определение философской мистики; выявление роли мистики в феноменологических и теологических воззрениях Эдит Штайн; обоснование модуса мистического как связующего звена между феноменологией и томизмом; обоснование концептов эмпатии и интуиции как экзистенциальных модусов, восходящих к мистике; выявление этического субъекта как определяющего конструкта эволюции взглядов Штайн на основе мистики.

Для методологической ясности исследования из многообразия определений мистики, которые разделяются на общекультурные, конфессиональные (Н.Смарт, С.Кац), психологические (Р.Отто), нейро-когнитивистские (А. Харди, К. Тарт, А. Дамасио) подходы, отстаивающие позицию мистических феноменов как несводимых друг к другу, в представленном исследовании избрана позиция понимания философской мистики как универсального опыта преодоления или минимизации различия субъекта и объекта в процессе постижения истины, базирующаяся на стремлении к непосредственному контакту с Абсолютом. Ибо, творческий поиск Эдит Штайн, будь это феноменология, философская позиция томизма или практика монашеского отречения – это непосредственное стремление познать Истину в её возможных

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ

пределах. При этом возникает необходимость пересмотра, ставшего уже хрестоматийным, представления по поводу кардинального противопоставления схоластики и мистики, рационального и сверхрационального, как двух различных онто-гносеологических позиций в философии. Значение и специфика взглядов Эдит Штайн заключается в том, что, будучи неутомимым искателем Истины с ранней молодости и до последних своих дней, она не замыкалась рамками одной системы или методологии, стремясь постичь истину непосредственно. В этой связи, можно говорить о мистической природе творческого метода Штайн, в котором определяющим были не разум и даже не вера, а воля, утверждавшая и оправдывающая мистическое единство в постижении истины. К тому же феноменология, в своих пределах имплицитно устремлена к исследованию реальной структуры непосредственного опыта, который по своей природе приближается к опыту мистическому. Можно предположить, что в феноменологии содержится методологическое оправдание фундаментального универсализма мистического опыта, который был предметом осмыслений У. Джеймса, Э. Андерхил, П. Эльмонда. Именно этот универсализм, как путь поиска абсолютной истины и стал основой эволюции взглядов Э. Штайн, не заслужено обвинённой некоторыми исследователями в отсутствии единой системы ее учения. Таким образом, методологической основой исследования является понятие философской мистики как совмещения теологической и философской доктрин, основанного на осмыслении экстатического сближения с Абсолютом в виде акта единения универсальной сущности трансцендентной реальности и субъекта созерцания путем расширения сознания индивидуального «Я» до Абсолютного (Трансцендентного). Философская мистика представляется учением органично связанным с богатым опытом философской рефлексии. Философская мистика – это метафизический дискурс о трансцендентной реальности, формирующей онто-гносеологические и антропо-аксиологические расширения в рационально сформированных философских системах и представлениях. При этом понятие «фило-

софская мистика» дистанцируется от религиозных практик, так как мистическое, то есть ускользающее от системного теоретизирования, всё же подвергается рациональной рефлексии, образуя новые концептуальные пространства философского дискурса.

Так что же мистического во взглядах Э. Штайн? О непосредственном мистическом опыте сама Штайн не оставила достоверных свидетельств, в отличие от подробно описанных откровениях Якобом Бёме или Генрихом Сузо. Скорее, Штайн можно сравнить с великим немецким мистиком Майстером Экхартом, который оставил потомкам лишь мистические тексты парижского периода, кардинально отличные от текстов латинского периода Экхарта-схоласта. Достоверно мы знаем лишь, что знакомство с текстами святой Терезы из Авилы открыло для Эдит Штайн мистическую природу христианства и привело её к монашеству.

Между феноменологией и томизмом

Ключом к пониманию мистического у Эдит Штайн становится, на мой взгляд, ее работа «Что такое философия? Разговор Эдмунда Гуссерля и Фомы Аквинского» [7] в которой она обращается к идее трансцендентальной субъективности как телеологически организованной и отражающей черты Божественного Абсолюта, что является общим местом не только феноменологии и теологии, но и обусловлено трансцендентной природой мистики как единственной формы сверхрефлексивного схватывания Истины. Пожалуй, данная акцентуация Штайн на гуссерлианской трансцендентальной субъективности предопределила её интерес к томизму и католическому монашеству, став основой философского театра между Гуссерлем и Томой, мастерски представленного Штайн в выше-названной работе. При этом следует отметить, что Томе Аквинскому отводится в диалоге определяющая, ведущая роль, а Гуссерлю лишь статус ответчика, что свидетельствует о процессах трансформации феноменологических взглядов Штайн в плоскость томизма.

При этом, цель познания по Штайн – не раствориться в невыразимой абстракции Трансцендентного, а, с характерным подхо-

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ

дом для мистическої традиції – углубитися в практику внутрішнього созерцання, о чьм она уже совершенно ясно говорит в «Науке Креста»: «Но чистый дух знает «только внутреннее сосредоточение и духовное общение с Богом» [29, с.66]. «Эта работа, в которой дух внутренне усваивает себе содержание веры и есть созерцание» [29, с.72]

Как известно, воззрения Штайн, сформировались в лоне феноменологии. Первая немецкая женщина-философ из Бреслау была одной из первых систематизаторов и апологетов феноменологии. Гуссерлианская феноменология является не только основой воззрений Штайн, но и предметом её специальных исследований, в результате которых её попытка сопоставления феноменологии Гуссерля и теологии Томы Аквинского, представляет интерес в контексте выявления компоненты мистики в её целостной системе. Для этой цели в моём исследовании, были привлечены методы экспликации и эксклюзии, как анализа значимого и исключение незначимого с позиции Штайн в феноменологии Гуссерля.

Отмечу определяющие моменты в рецепции Эдит Штайн гуссерлианской феноменологии:

✓ Штайн, понимая, что философия вообще и гуссерлианская феноменология в частности стремятся к пониманию мира на основе разума, который в феноменологии рассматривается как естественный, в противоположность сверхъестественному, – ощущает частичную несостоятельность феноменологии в целостном осознании полноты истины. Она подразумевает мир как непосредственное созерцание сущности, которое выходит за пределы тождества бытия и мышления. В этой связи, работа «Потенция и акт» [30], подготовленная в 1931 г. как хабилитованная диссертация для защиты во Фрайбергском университете, уже выходит за рамки феноменологической проблематики, имплицитно вмещая в себя элементы философской мистики, что и послужило потенциальным толчком для её обращения к томизму.

✓ Феноменология, с точки зрения Эдит Штайн, является, в противоположность догматизму, разновидностью критицизма. Так как базируется на подвешивании тезиса мира

и, вследствие заключения мира в скобки, должна сама обеспечить себе начало познания. Именно эта утрата онтологического Абсолюта и подмена его структурно-познавательными задачами в феноменологии, послужили причиной совмещения онтологии и гносеологии во взглядах Э. Штайн, что является характерной чертой философской мистики, стремящейся преодолеть онто-гносеологическую дифференциацию. Штайн не удовлетворяет, то, что феноменология изучает не сам мир, а способы и данности предметов сознания, то есть способы познания. В этом отношении, очевидно, Штайн стремится выйти за пределы гносеологической рациональности в сферу философской мистики, где онтологический объект и гносеологический субъект в акте созерцания тождественны.

✓ Поскольку феноменология является трансцендентальной философией, её основным принципом определяется «ego cogito», а сама она предстаёт как эгоцентризм (Гуссерль сам в это время определяет свою философию как эгологию, о чьм прямо говорит в картезианских медитациях и парижских докладах) в противоположность теоцентризму томизма. Предметом исследования феноменологии, выступает область имманентных данных сознания. Но Штайн видит эту проблему сознания шире, чем феноменология, стремясь отождествить сознание с абсолютной реальностью, что значительно ближе акту мистического самооткрытия глубины реальности, чем исследование структуры сознания в рамках феноменологии.

✓ Феноменология, по истолкованию Штайн, занята познанием сущностей предметного мира как одного из возможных миров. То есть как экземпляра сущности мира как такового. Фактичность этого мира, как считает Штайн, феноменология отдаёт на откуп частным наукам, исследуя сущность предметных региональных онтологий. При этом феноменология и это принципиально для Штайн, не является метафизикой, а является исследованием бытия фактического мира, что неоднократно подчёркивал Гуссерль в работе «Идеи 1». Недостаток метафизичности в феноменологии и приводит Штайн к томизму, в котором она потенциально, уже

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ

ищет выход за пределы метафизики на уровне трансперсональных состояний сознания.

Вместе с тем, во взглядах Гуссерля происходят существенные изменения, потенциально присутствующие уже в последней главе «Разум и действительность» в 1913 г. работы «Идеи-1», явно намечившиеся в «Парижских докладах» (1929 г.) и выраженные в «Картезианских медитациях» (1931 г.). В результате Гуссерль даёт иное понимание феноменологии, чем это представлено было Штайн. Трансцендентальный поворот Гуссерля получает дальнейшее развитие в феноменологии, становясь при этом поводом для всё большего отдаления Штайн от феноменологии и приближения её к томизму через мистический импульс поиска Истины и сближение с Трансцендентным. Трансцендентальное сознание Гуссерля можно считать местом рефлексивной артикуляции, опосредованном Логосом который имеет, по словам Ж. Деррида, «сверхтрансцендентальносубъективную природу» [2, с.17]. Представляется, что Гуссерль приближается к глубине схоластического смысла трансцендентного. Возможно, тяготение к мистике и томизму было отчасти заложено в период сотрудничества Эдит Штайн с учителем. Согласно Штайн, стремление к беспредпосылочности ставит феноменологию в положение метода, требующего теологического обоснования.

Штайн прекрасно знает феноменологию Гуссерля после трансцендентального поворота. В предисловии хайдеггеровского издания «Лекций по феноменологии внутреннего сознания времени» [1] Гуссерля Хайдеггер благодарит Эдит Штайн за тщательную и внимательную работу над рукописями Гуссерля. Известно, что она принимала активное участие в подготовке к печати работ Гуссерля, глубоко проникая в их содержание. Если учесть излишнюю придирчивость автора, то благодарность Хайдеггера указывает на погружение Штайн во все нюансы гуссерлианских воззрений, а следовательно, и понимание их недостатков. Тщательная аналитика посредством одухотворённого разума в совещении с волевым стремлением к предельно возможной истине приводит Штайн к томизму, в недрах которого потенциально присутствовала мистическая тайна невыразимо-

сти Божественного.

Штайн видит феноменологию всё больше не как теорию познания, а как онтологию. Для неё феноменология не просто учение о сущностях в гуссерлианском смысле как совокупность региональных онтологий, но и метафизика. То есть учение о мире в его фактичности. Равно как и о человеке в его фактичности. Интенциональная экспликация генетической феноменологии, разработка которой начинается с теории двойной трансцендентальной редукции 1923-24 г.г., позволяет обнаружить фактичность и феноменология становится исследованием нашего мира, а не одного из возможных миров, о чём Гуссерль говорит в «Картезианских медитациях», допуская темы рождения, смертности, истории, судьбы. В этот период Гуссерль отдаляется от концепции эгологии и склоняется к учению о согласовании интерсубъективных перспектив.

Основной темой феноменологии становится доверительное знакомство с миром, понятым как горизонт всех горизонтов, как учение о явленности всего сущего. Но Штайн упрекает трансцендентализм за утрату мира, оставляя практически без внимания генеалогию доверительного знакомства с миром у Гуссерля. То есть изменения в мировоззрении Гуссерля, происходившие в период их совместной работы, остаются за пределами внимания Штайн. В это время она решает сложнейшую для себя внутреннюю проблему. Как совместить свою принадлежность к феноменологии и в то же время к католицизму и его философскому обоснованию – томизму. Штайн разводит плоскости: феноменология работает в одной плоскости, томизм – в другой, оставляя феноменологии сферу реакционной реконструкции логических структур нашего мира как одного из возможных миров и способов его познания. Такое видение Штайн приводит её на внешнем плане к томизму, на внутреннем к монашеству и мистике, как содержательному разрешению противостояния феноменологии (которую Штайн уже понимает как исследование трансперсональных состояний сознания) и томизма как предельной онтологии Абсолюта (Бытия Бога). В этой дилемме человек-духовный (мистический, целостный) стано-

ІСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

вится местом встречи противоречивых разногласий феноменологии и томизма с позиции Штайн. При чём потенциально, в начале философского поиска, Штайн исследует формы проявления мистических интенций через проблему эмпатии и понятие интуиции. Именно эмпатия и интуиция представляются, на мой взгляд, ключевыми конструктами эволюционного становления взглядов Эдит Штайн на пути к философской мистике и понимания предназначения человека-духовного. Именно эмпатия и интуиция, могут быть рассмотрены как взаимодополняющие составляющие имплицитного содержания мистики в её воззрениях.

Эмпатия

Проблема вчувствования (эмпатии) занимала умы многих современных Штайн феноменологов. Над ней последовательно работал Макс Шелер [26]. В немецкой эстетике эта тема нашла отражение во взглядах Теодора Липпса и Йоханеса Фолькельта. Исследование проблемы эмпатии Эдит Штайн находилась, в центре феноменологических поисков. При этом оригинальность позиции Штайн заключается в попытке выхода за пределы феноменологического подхода, что нашло своё продолжение в психологических и метафизических плоскостях её взглядов.

Исследования феномена эмпатии в ранний период творчества Штайн нашло отражение в её докторской диссертации «О проблеме эмпатии» [32]. Штайн как феноменолог хотя и определяет «Я» центром сознания личности, ощущает потенцию эмпатийного метода в выходе за пределы межличностного вживания, осуществляя его перенос на другие виды субъектов, чем прокладывает дорогу к эмпатийному вживанию в трансцендентальный субъект. Феноменологическая теория эмпатии, созданная Штайн, предполагает, что эмпатия или вчувствование (*Einfühlung*) раскрывается в трех стадиях: «первая – когда чужая жизнь внезапно вырастает передо мной; вторая – когда я втянут в душевное состояние Другого; третья делает возможным не только соучастие, но и понимающую объективизацию переживаний» [32, с.14]. Третья стадия эмпатийного вчувствования, рассматриваемая как понимание опы-

та Другого, (причём не познание, а понимание, то есть не объяснение а осмысление, принятие чужого опыта, не прожитого лично, но ставшего своим) основывается на принципе тождества субъекта опыта и объекта эмпатии. В этой связи эмпатия имплицитно содержит в себе модель достижения мистического единства, в виде экстраполяции метода преодоления субъект-объектных противопоставлений антропологического характера на мистический характер преодоления субъект-объектного противопоставления трансперсонального содержания. При этом у Штайн, интенция к выходу за пределы видимости, позволяющая постулировать существование иного уровня бытия, потенциально содержит импульс к выходу за пределы реальности в виде мистического вчувствования в сущностное. Реальность бросает вызов человеческому разуму, отсылая его за пределы видимости и расширяя сознание до существования иного уровня бытия, что в итоге приводит к мистическому погружению в трансцендентное через имманентные формы бытийственности. Этим объясняется жизненный подвиг Штайн, которая через драматические формы существования (пограничные ситуации) реализовала содержание мистической истины – связь с Богом, в действительных ситуациях жизненного мира. Так специфичность позиции Штайн заключается в наделянии христианской мистики экзистенциальным содержанием, где трансцендентный объект удерживается в трансметафизических целеполаганиях непосредственного проживания ситуативной фактичности. Принцип вчувствования, постижения Другого, согласно Штайн, может применяться и к другим видам субъектов. Религиозный человек, так же как вживается в психологическое состояние ближнего, может входить в постижение состояний Божественного. По мнению Штайн, изучение религиозного сознания даёт наиболее точный ответ на вопрос познания духовной жизни Личности через интуицию и мистику как вчувствование в Христа, как страдание в Кресте, как путь к Кармелю.

Несмотря на то, что эмпатия традиционно относится к этической сфере антропологических отношений, у Штайн это понятие выходит на уровень метафизических и онтологи-

ІСТОРИЯ ФІЛОСОФІЇ

ческих обоснований. В этой связи неудивительно, что феноменология и схоластика сближаются у Штайн в понятии разума в томистском смысле, отличном от новоевропейского рационализма, ограниченность которого преодолевает обращение Штайн к активному характеру интуиции, в конституирующем движении разума.

Интуиция

Вопрос об интуиции во многом позволяет определить сходства и различия между феноменологическим и схоластическим методами, являясь, возможно, ключевым для философских сочинений Э. Штайн.

По сути мост между феноменологией и томизмом – это мост между феноменологической онтологией возможных миров и теорией познания томизма в её предельных формах как совмещение, а не противопоставление веры и разума. Их слияние представлено в интуиции как выход на необусловленное созерцание истины, что в своём пределе есть мистический акт в виде единства имманентного субъекта и трансцендентного объекта

Вопрос об интуиции является основным в методологическом обосновании Штайн науки о созерцании, а в дальнейшем – «науки Креста», а также – в решении задач познания, поскольку интуиция понимается как «сущностное усмотрение» (*Wesensschau*) непосредственных данных сознания.

Такой подход сближает томизм с феноменологическим методом, ибо любая интуиция начинается с чувственного опыта, под которым Штайн подразумевает чистое созерцание, вполне соответствующее очищению структур сознания в феноменологии. То есть, интуиция тематизирует всматривание. С другой стороны – интуитивный акт требует интеллектуальной обработки, что созвучно интеллектуальной характеристике интуиции в схоластической традиции. Объединяющим модусом этих начал для Штайн является вера, которая основывается на доверие к Трансцендентному. Штайн приходит к понятию пассивности интуиции, что содействует мистическому акту и защищает от субъективного произвола. Если вспомнить Майстера Экхарта, то пассивное, трансубъективное,

отрешённое, то есть предельно необусловленное (бесцельное) и есть пусть к мистике, в которой усилия разума осуществляют подготовительную и рефлексивную функции. Пассивность, на которую указывает Штайн, у Гуссерля относится к проблематике пассивных синтезов. Для теологии же этот вопрос, скорее, ближе к теме мистического опыта. При этом точкой отсчёта у Штайн и в феноменологии, и в томизме является интеллектуальная интуиция, относительно которой она указывает не на методологические, а на онтологические трудности.

В мистике все возможные миры представлены в онтологическом Абсолюте, преодолеваемом региональное разграничение. В отличие от Гуссерля, для которого интуиция связана с познавательными возможностями и понимается как своеобразное искусство всматривания, искусство быстрой реакции на увиденное, у Штайн, интуиция – скорее движение внутрь себя, способность достроить цельный образ, отрекаясь от субъектности, возвращать себе субъективность. При этом речь идёт о глубинной родовой духовной субъективности, скорее толкуемой не в контексте европейской философии, где дух есть интеллектуальная автономность, а в традициях христианской мистики, для которой дух является сжатым образом, своеобразной «искрой», отражающей полноту Божественного огня, единой и единственной сущностью имманентного субъекта и трансцендентного объекта. В этой связи понятие интуиции, является хотя и не основным во взглядах Штайн, но предопределяющим мистическое содержание её воззрений и осуществляющее связь между философией и теологией через активный характер интуиции в целостности духовного постижения. Если взять за основу определение интуиции как свернутого опыта, который у каждого разворачивается там, где уже имелся осознанный или неосознанный акт соприкосновения с объектом своего опыта, (эмпирического, чувственного, психологического, ментального), то опыт мистического соприкосновения с абсолютной истиной – Богом, возможен в рамках религиозного сознания, которое в период перехода к томизму становится для Штайн определяющим. В этом смысле интуиция для Штайн –

ІСТОРІЯ ФІЛОСОФІЇ

перенос емпатийного опыта на предельные метафизические, трансметафизические и трансперсональные ракурсы, в виде акта встречи с Богом. «Истина в абсолютной полноте существует, существует познание, обнимающее ее полностью, которое являет собою не бесконечный процесс, а бесконечную, покоящуюся полноту, и это божественное познание» [31, с.24].

Мистика

Так формируется идея самопознания и открытия в себе Бога, сущности внутри себя, что уже совершенно угадывается в традицию христианской мистики. С одной стороны это путь феноменологии, исследующей процессы сознания, с другой – редукция сознания настолько эссенциальна, что превращает философа в мистика, который исследует чистые факты сознания, вынося весь мир за скобки и сохраняя лишь сущность Трансцендентного (Бога). В философских воззрениях Штайн последнего периода имманентное и трансцендентное настолько взаимосвязаны, что только их мистическое единство и представляется ей формой постижения истины. Но у Штайн мистическое не выпадает из феноменологического ряда, а наполняет его новым экзистенциальным смыслом. При этом эйдетическая редукция схватывает интуитивно глубину мистической реальности. Мистика предстаёт как установление первоисходности бесконечного перед конечным. Бесконечное у Штайн выступает эталоном, образцом самопроявления. Только мистическая позиция позволяет Штайн найти ответы на вопрос о возможности для сущего восхождение к Абсолюту, который оказывается полностью трансцендентен Бытию, с одной стороны, и мышлению бытия, с другой. Абсолют есть тайна, и в сердцевине этой тайны находится воля к самоявлению. Только через мир, сотворённый Абсолютом, возможно самопроявление Абсолюта. Парадоксальная точка зрения с позиции новоевропейской философии, но абсолютно укладывающаяся в мистико-теологическую позицию. При этом мир для Бога становится своего рода «средой феноменализации».

Абсолют являет себя. Ради этого Он творит мир. Можно сказать, что Абсолют являет

себя посредством мира, в самом мире и через мир. Условно говоря, мир становится для Бога своего рода «средой феноменализации». И в этом контексте Штайн-феноменолог встречается со Штайн-теологом посредством утверждения мистического трансцендентного источника как всякого явления, так и явления абсолютной истины.

Говоря словами Мишеля Анри, теологическая проблема (почему Бог сотворил мир) решается в сугубо феноменологическом ключе [20, с.66]. Посредством явления Бог обретает сущность, а следовательно бытие. Его суть – запредельная трансцендентность, подобно экхартовскому понятию Божественности (Gottheit), которое, преодолевая всякую персонификацию и обусловленность, открывается лишь в мистическом единении, путь к которому – полная отрешённость. У Штайн позднего периода подобно образу экхартовской Божественности появляется образ Ночи (Мистической ночи) – непроявленное единство до разделения, трансцендентная полнота Абсолюта. Взаимосвязано с Абсолютом формируется образ Креста – путь преодоления себя, внутренний путь встречи с Богом, ради мира, подобно Абсолюту, выходящему из себя и творящего мир. «Я полагаю, что всё больше погружаясь в Бога, человек должен больше и больше выходить за пределы самого себя, иначе говоря, всё больше посвящать себя миру, внося в него божественную жизнь», – писала Эдит ещё в 1928 году [15, с.148]. Таким образом, Штайн через эквивокацию связывает томистское бытие Бога и феноменолого-экзистенциальную антропологическую установку в мистическом акте откровения. Причём она не ограничивает себя «кабинетным» трансцендентализмом, а наделяет мистику экзистенциальным содержанием этического субъекта и практикой жизненного подвига! Её антропологические штудии всегда обращались не только к трансцендентальному субъекту, но и к этической позиции «живого» субъекта. Человек – это не только инстанция чистого познания. Вопрос о субъективности у Штайн решается в пользу деятельностного способа бытия, раскрывает активный характер этического субъекта в восполнении духовной целостности. Причём, холизм Штайн

ІСТОРИЯ ФІЛОСОФІЇ

– это не аскетичное самопогружение, а практический альтруизм жизненного целеполагания, что наделяет мистическое пространство её учения экзистенциальной религиозностью, которая ощущается Штайн как жажда жизни.

Итогом исканий Эдит Штайн становится осознание того, что христианство даёт возможность не только размышлять о Боге, но и прикоснуться к Нему, встретить Его в глубинах собственного «я». По её мнению «Он – Тот, живой – диалог с Кем можно начать в любой момент». ... Вера, пишет Эдит, «хочет больше, чем отдельных истин о Боге; она хочет Самого Бога, Который есть истина, Бога целиком. Вера даёт возможность, не видя Бога, схватиться за Него». [29, с.77]. И это уже абсолютно мистическая христианская позиция, обогащённая экзистенциальной актуализацией жизненной практики.

Монашеская традиция уединения, затворничества, с точки зрения сестры Терезы Бенедикты, в условиях XX века, приобретает иной смысл. Идея самоценности внутренне-го, сокровенно-индивидуального, духовного реализуется через концепт служения и «жертвенной молитвы», которая и есть уединение с Богом. В истинной молитве человек переживает реальное прикосновение с Трансцендентным, но при это не всегда это обозначает погружение в экстаз. «Молитва – это лестница Иакова, по которой дух человека поднимается к Богу, а благодать Божия спускается к человеку» [29, с. 47]. Не мистическая отстранённость, отшельничество, а мистическая активность в экзистенциальной проявленности онтологии бесконечного – вот главная идея философской мистики и мистики жизненного подвига Эдит Штайн.

Выводы

Исследование воззрений Эдит Штайн опиралось на методологическое определение философской мистики, основанного на осмыслении экстатического сближения с Абсолютом в виде акта единения универсальной сущности трансцендентной реальности и субъекта созерцания путем расширения сознания индивидуального «Я» до Абсолютного (Трансцендентного). Философская мистика – это метафизический дискурс о трансцендентной реальности, формирующей онто-

гносеологические и антропо-аксиологические расширения в рационально сформированных философских системах и представлениях. На этой основе было выявлено, что феноменология, имплицитно устремлена к исследованию реальной структуры непосредственного опыта, который в своих пределах приближается к опыту мистическому. Так для мистической природы творческого метода Штайн определяющим является не разум и даже не вера, а воля, устремляющая познание к мистическому единству имманентного субъекта и трансцендентного объекта в постижении истины.

Расхождения Штайн с современной ей феноменологией отражают следующие положения: 1. Штайн подразумевает мир как непосредственное созерцание сущности, выходящей за пределы тождества бытия и мышления; 2. По её мнению, феноменология, пренебрегает онтологическим Абсолютом, вследствие чего происходит его подмена структурно-познавательными задачами, что послужило причиной совмещения онтологии и гносеологии во взглядах Э. Штайн. 3. Для разрешения этой проблемы Штайн стремится выйти за пределы гносеологической рациональности в сферу философской мистики, где онтологический объект и гносеологический субъект в акте созерцания тождественны. 4. Недостаток метафизичности в феноменологии приводит Штайн к томизму, в котором она потенциально, ищет выход за пределы метафизики на уровень трансперсональных состояний сознания. 5. Штайн упрекает трансцендентализм за утрату мира, оставляя практически без внимания изменения в мировоззрении Гуссерля – его трансцендентальный поворот и генеалогию доверительного знакомства с миром.

Эмпатия и интуиция представляются ключевыми конструктами эволюционного становления взглядов Эдит Штайн на пути к философской мистике. Эмпатия понимается ею как модель экстраполяции принципа вживания в опыт Другого на мистический акт преодоления субъект-объектного противопоставления трансперсонального содержания. Понятие интуиции у Штайн сближает томизм с феноменологическим методом, на основе чувственного опыта, объединяющим началом

ІСТОРИЯ ФІЛОСОФІЇ

чего для Штайн является доверие к Трансцендентному и пассивный характер интуиции, защищающий от субъектной обусловленности. Интуиция у Штайн это движение внутрь себя, способность достроить цельный образ, отрекаясь от субъектности, возвращая себе родовую, духовную субъективность. Это перенос эмпатийного опыта на предельные метафизические, трансметафизические и трансперсональные ракурсы, в виде акта встречи с Богом.

Так формируется идея самопознания и открытия в себе Бога, сущности внутри себя. В философских воззрениях Штайн последнего периода имманентное и трансцендентное настолько взаимосвязаны, что только их мистическое единство открывает понимание абсолютной истины. При этом мистическое не выпадает из феноменологического ряда, а наполняет его новым экзистенциальным смыслом. Мистика предстаёт как установление первоисходности бесконечного перед конечным. Штайн-феноменолог встречается со Штайн-теологом посредством утверждения мистического источника всякого явления и абсолютной истины.

У Штайн позднего периода определяющими становятся: образ Ночи – непроявленное единство до разделения, трансцендентная полнота Абсолюта и образ Креста – путь преодоления себя, внутренний путь встречи с Богом. Штайн связывает томистское учение о бытии Бога и феноменолого-экзистенциальную антропологическую установку в мистическом акте откровения. Вопрос о субъективности она решает в пользу деятельностного способа бытия, раскрывая активный характер этического субъекта в восполнении духовной целостности.

Её творческий путь приходит к обоснованию христианской философии как метаисторической, в которой мистика в этическом преломлении экзистенциальных смыслов, выступает объединяющим началом между философией сознания и томистской метафизикой. Её мистические произведения содержат теоретические и практические аспекты консолидации на основе универсальной истины и служения миру, что особенно важно сегодня для Европы и мира в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гуссерль, Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени / Гуссерль Э. Собр. соч. – Москва : Гнозис, 1994. – Т. 1. – 162 с.
2. Деррида, Ж. Введение / Ж. Деррида / Гуссерль Э. Начало геометрии [пер. с франц. и нем. М. Маяцкого]. – Москва : Ad Marginem, 1996. – С. 3–27.
3. Штайн, Е. Будова людської особи / Е. Штайн [пер. з нім. І. Терзової] – Жовква: Місіонер, 2011. – 192 с.
4. Штайн, Е. Вступ до філософії / Е. Штайн [пер. з нім. І. Терзової]. – Жовква: Місіонер, 2011. – 248 с.
5. Штайн, Що таке людина? / Е. Штайн [пер. з нім. О. Конкевича]. – Жовква: Місіонер, 2014. – 232 с.
6. Штайн, Э. Наука Креста. Исследование о святом Хуане де ла Круссе / Э. Штайн [пер. с нем. Н. Бакша]. – Москва : Ин-т филос., теологии и ист. св. Фомы, 2008. – 288 с.
7. Штайн, Э. Что такое философия? Разговор Эдмунда Гуссерля и Фомы Аквинского / Э. Штайн // *Δόξα* / Докса. – 2009. – Вип. 14. – С. 372–394.
8. Beckmann, B. Phänomenologie des religiösen Erlebnisses. Religionsphilo-sophische Überlegungen im Anschluß an Adolf Reinach und Edith Stein / B. Beckmann. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2003. – 332 p.
9. Beckmann-Zöller, B. Die unbekannte Edith Stein: Phänomenologie und Sozialphilosophie / B. Beckmann-Zöller, H.-B. Gerl-Falkovitz. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2006. – 278 p. doi: 10.3726/978-3-653-01234-7
10. Bejas, A. Edith Stein. Von der Phänomenologie zur Mystik / A. Bejas. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1987. – 208 p.
11. Bejas, A. Vom Seienden als solchen zum Sinn des Seins. Die Transzendentalien-lehre bei Edith Stein und Thomas von Aquin / A. Bejas. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1994. – 270 p.
12. Bütow, K. Ein wahrhaftiges Leben – Edith Stein / K. Bütow. – Gütersloh: Kiefel, 1999. – 47 p.
13. Crvenka, M. Gott und ich. Meditationen zu Texten von Edith Stein / M. Crvenka. – Essen : Plöger, 1993, – 96 p.
14. Crvenka, M. Entscheidung für Gott. Die Taufe Edith Steins / M. Crvenka. – Leutesdorf : Johannes, 1991. – 48 p.
15. Edith-Stein-Jahrbuch. Hrsg. im Auftrag des Teresianischen Karmels in Deutschland durch das Internationale Edith-Stein-Institut Würzburg.

ІСТОРИЯ ФІЛОСОФІЇ

- Band 1. – Würzburg : Echter Verlag, 1995. – 175 p.
16. Feldes, J. Auf den Spuren Edith Steins durch Köln / J. Feldes. – Köln: Selbstverlag, 2005. – 40 p.
 17. Feldes, J. Im Kreuz ist Hoffnung. Der Kreuzweg mit Edith Stein / J. Feldes. – Speyer : Pilger, 1999. – 66 p.
 18. Fetz, R. L. Studien zur Philosophie von Edith Stein / R. L. Fetz, M. Rath, P. Schulz // Internationales Edith-Stein-Symposium Eichstätt, 1991. – Freiburg-München : Alber, 1993. – 372 p.
 19. Heise, I. Einfühlung bei Edith Stein. Überraschende Einblicke in die Doktorarbeit einer sensiblen Heiligen / I. Heise. – Wien: Selbstverlag, 2005. – 80 s.
 20. Henry, M. Incarnation: une philosophie de la chair / M. Henry. – Paris : Seuil, 2000. – 381 p.
 21. Herbstrith, W. Edith Stein. Ein Lebensbild in Zeugnissen und Selbst-zeugnissen / W. Herbstrith. – Mainz : Grünewald, 1993. – 188 p.
 22. Jani, A. Edith Steins Denkweg von der Phänomenologie zur Seinsphilosophie / A. Jani. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2015. – 402 p.
 23. Koch, U. Edith Stein. Eine kleine, einfache Wahrheit sagen. Biographischer Roman / U. Koch.– Gießen : Brunnen, 2005. – 176 p.
 24. Lebech, M. The Philosophy of Edith Stein: from phenomenology to metaphysics / M. Lebech. – Oxford; Wien : Peter Lang, 2015. – 188 p.
 25. Petermeier, M. Die religiöse Entwicklung der Edith Stein. Eine Untersuchung zur Korrelation von Lebens – und Glaubensgeschichte / M. Petermeier. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1998. – 244 p.
 26. Scheler, M. Zur Phänomenologie und Theorie der Sympathiegefühle und von Liebe und Hader. Mit einem Anhang über den Grund zur Annahme der Existenz des fremden Ich / M. Scheler. – Halle : Niemeyer, 1913. – 158 p.
 27. Stein, E. Fenomenologia getynsko-monachijska. Analizy / E. Stein [pod redakcja J. Machnacza i K. Serafina]. – Wrocław : TOTEM, 2015. – 204 s.
 28. Stein, E. Fenomenologia getynsko-monachijska. Zrodla / E. Stein [pod redakcja J. Machnacza i K. Serafina]. – Wrocław : Drukarnia Cyfrowa On-line, 2014. – 162 s.
 29. Stein, E. Kreuzeswissenschaft. Studie über Johannes vom Kreuz / E. Stein. – Freiburg : Herder, 2004. – 266 p.
 30. Stein, E. Potenz und Akt. Studien zu einer Philosophie des Seins / E. Stein. – Freiburg : Herder, 2005. – 318 p.
 31. Stein, E. Was ist Philosophie? Ein Gespräch zwischen Edmund Husserl und Thomas von Aquino / E. Stein // Erkenntnis und Glaube. – Freiburg: Herder, 1993. – P. 19–48.
 32. Stein, E. Zum Problem der Einfühlung / E. Stein. – München : Kaffke, 1980. – 133 p.
 33. Volek, P. Husserl und Thomas von Aquin bei Edith Stein / P. Volek. – Nordhausen : Traugott Bautz, 2016. – 248 p.

Ю. О. ШАБАНОВА^{1*}

^{1*}Національний гірничий університет (Дніпро), ел. пошта jshabanova@ukr.net; ORCID 0000-0001-5876-4140

МІСТИЧНИЙ АСПЕКТ АНТРОПОЛОГІЇ ЕДІТ ШТАЙН: ВІД ФЕНОМЕНОЛОГІЇ ДО ТОМІЗМУ

Мета дослідження: виявити містичні елементи антропології Едіт Штайн як зв'язку між феноменологією та томізмом. Спираючись на **методологічне** визначення філософської містики як поєднання теологічної і філософської доктрин, заснованого на осмисленні переживання екстатичного єднання з Абсолютом, було виявлено, що феноменологія, імпліцитно спрямована на дослідження реальної структури безпосереднього досвіду, який в своїх межах наближається до досвіду містичного. Для містичного характеру творчого методу Штайн визначальним є не розум і навіть не віра, а воля, що спрямована до містичного єдності іманентного суб'єкту і трансцендентного об'єкту в осягненні істини. Будучи яскравим представником феноменології, Штайн згодом розходиться з Гуссерлем в деяких положеннях: 1. Штайн розуміє існування світу як безпосереднє споглядання сутності, що виходить за межі тотожності буття і мислення; 2. На її думку, феноменологія, нехтує онтологічним Абсолютом, внаслідок чого відбувається його підміна структурно-пізнавальними завданнями, що стало причиною поєднання онтології і гносеології в поглядах Е. Штайн. 3. Штайн прагне вийти за межі гносеологічної раціональності в сферу філософської містики, де онтологічний об'єкт і гносеологічний суб'єкт в акті споглядання тотожні. 4. Недостатність метафізичності в феноменології призводить Штайн до томізму, в якому вона потенційно, шукає вихід за межі метафізики на рівень трансперсональні

ІСТОРИЯ ФІЛОСОФІЇ

станів свідомості. 5. Штайн дорікає трансценденталізм за втрату світу, залишаючи практично без уваги зміни в світогляді Гуссерля – його трансцендентальний поворот та генеалогію довірчого знайомства зі світом. Емпатія як модель екстраполяції принципу вживання в досвід Іншого на містичний акт подолання суб'єкт-об'єктного протиставлення трансперсонального змісту та інтуїція як рух всередину себе, здатність добудувати цілісний образ, відрікаючись від суб'єктності, повертаючи собі родову, духовну суб'єктивність – представляються ключовими конструктами еволюційного становлення Едіт Штайн на шляху до філософської містики. При цьому містичне не випадає із феноменологічного ряду, а наповнює його новим екзистенціальним змістом. **Новизна** дослідження полягає у виявленні продуктивного значення філософської містики у творчості Едіт Штайн, яка збагатила сучасну антропологію метаісторичним змістом етико-екзистенціальних смислополагань на основі синтезу філософії свідомості і томистської метафізики.

Ключові слова: Едіт Штайн; феноменологія; томізм; містика; емпатія; інтуїція; етичний суб'єкт

J. A. SHABANOVA^{1*}

^{1*}State National Mining University (Dnipro), e-mail jshabanova@ukr.net; ORCID 0000-0001-5876-4140

MYSTICAL ASPECT OF EDITH STEIN'S ANTHROPOLOGY: FROM PHENOMENOLOGY TO THOMISM

The **aim** of the study is to find mystical elements in Edith Stein's anthropology as a connecting principle between phenomenology and Thomism. Relying on methodological definition of philosophical mystic, as a matching of theological and philosophical doctrines, based upon reflection on experience of ecstatic unity with the Absolute, it was shown that phenomenology is implicitly directed towards research of real structure of immediate experience which in all its limits approaches to mystical experience. Not the mind and not the faith, but will (that directs knowledge to mystical unity of immanent subject and transcendental object in finding the truth) is defining for the mystical character of Stein's creative method. Stein, being a bright representative of phenomenology, gradually disagrees with Husserl at some points: 1. Stein considers the world as an immediate contemplation on the entity that transcends the identity of being and thinking; 2. In her opinion, phenomenology neglects the ontological Absolute. As a result, there is misplace of the Absolute by structural-cognitive aims, that, in its turn, was a reason for amalgamation of ontology and epistemology, according to Stein's views. 3. Stein strives to overcome epistemological rationality and achieve a sphere of philosophical mystic where ontological object and epistemological subject are identical in the act of mystical contemplation. 4. Lack of metaphysical elements in phenomenology leads Stein to Thomism in which she potentially seeks a way out of metaphysical limits and the way which leads to the level of transpersonal states of mind. 5. Stein reproaches transcendentalism in loss of the world and she ignores the changes in Husserl's world outlook, his transcendental turn and genealogy of the trustworthy acquaintance with the world. An empathy, as a model of extrapolation of the principle (of to be get used to the experience of the Other) onto mystical act of overcoming of subject-object opposition of transpersonal content and an intuition, as a movement inside the self, an ability to complete an integral image refusing the subjectivity and bringing back generic, spiritual subject, are considered to be key-constructs of the Edith Stein's evolutionary views development on her way to philosophical mystic. At the same time, mystical does not drop out of the phenomenological series but fills it with new existential meaning. The **novelty** of the study is in its showing up the productive meaning of philosophical mystics in the creativity of Edith Stein, who enriched contemporary anthropology by metahistorical content of moral and existential meaning on the basis of synthesis of philosophy of mind and Thomistic metaphysics.

Keywords: Edith Stein; phenomenology; Thomism; mysticism; empathy; intuition; ethical subject

REFERENCES

1. Husserl E. *Leksii po fenomenologii vnutrennego soznaniya vremeni. Tom 1.* [Lectures on the phenomenology of internal consciousness of time. Vol. 1]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 162 p.
2. Husserl E. *Nachalo geometrii. Vvedeniye Zh. Derrida* [Beginning of geometry. Introduction of Zh. Derrida]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1996. pp. 3-27.
3. Shtayn E. *Budova ljuds'koi osoby* [Anthropology]. Zhovkva, Misioner Publ., 2011. 192 p.
4. Shtayn E. *Vstup do filosofii* [Introduction to philosophy]. Zhovkva, Misioner Publ., 2011. 248 p.
5. Shtayn, E. *Shho take ljudyna?* [Anthropology]. Zhovkva, Misioner Publ., 2014. 232 p.

ІСТОРИЯ ФІЛОСОФІЇ

6. Shtayn E. *Nauka Kresta. Issledovaniye o svyatom Khuane de la Kruse* [Science of the Cross. Study of the holy Juan de la Cruz]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2008. 288 p.
7. Shtayn E. *Chto takoye filosofiya? Razgovor Edmunda Gusserlya i Fomy Akvinskogo* [What is philosophy? Conversation of Edmund Gusserl and Thomas Aquinskiy]. Δόξα – Doksa, 2009, issue 14, pp. 372-394.
8. Beckmann B. Phänomenologie des religiösen Erlebnisses. Religionsphilo-sophische Überlegungen im Anschluß an Adolf Reinach und Edith Stein. Würzburg, Königshausen & Neumann Publ., 2003. 332 p.
9. Beckmann-Zöller B., Gerl-Falkovitz H.-B. Die unbekannte Edith Stein: Phänomenologie und Sozialphilosophie. Frankfurt am Main, Lang Publ., 2006. 278 p. doi: 10.3726/978-3-653-01234-7
10. Bejas A. Edith Stein. Von der Phänomenologie zur Mystik. Frankfurt/M, Peter Lang Publ., 1987. 208 p.
11. Bejas A. Vom Seienden als solchen zum Sinn des Seins. Die Transzendentalien-lehre bei Edith Stein und Thomas von Aquin. Frankfurt/Main, Lang Publ., 1994. 270 p.
12. Bütow K. Ein wahrhaftiges Leben Edith Stein. Gütersloh, Kiefel Publ., 1999. 47 p.
13. Crvenka M. Gott und ich. Meditationen zu Texten von Edith Stein. Essen, Plöger Publ., 1993. 96 p.
14. Crvenka M. Entscheidung für Gott. Die Taufe Edith Steins. Leutesdorf, Johannes Publ., 1991. 48 p.
15. Edith-Stein-Jahrbuch. Hrsg. im Auftrag des Teresianischen Karmels in Deutschland durch das Internationale Edith-Stein-Institut Würzburg. Band 1. Würzburg, Echter Verlag Publ., 1995. 175 p.
16. Feldes J. Auf den Spuren Edith Steins durch Köln. Köln, Selbstverlag Publ., 2005. 40 p.
17. Feldes J. Im Kreuz ist Hoffnung. Der Kreuzweg mit Edith Stein. Speyer, Pilger Publ., 1999. 66 p.
18. Fetz R.L., Rath M., Schulz P. Studien zur Philosophie von Edith Stein. Internationales Edith-Stein-Symposium Eichstätt 1991. Freiburg-München, Alber Publ., 1993. 370 p.
19. Heise I. Einfühlung bei Edith Stein. Überraschende Einblicke in die Doktorarbeit einer sensiblen Heiligen. Wien, Selbstverlag Publ., 2005. 80 p.
20. Henry M. Incarnation: une philosophie de la chair. Paris, Seuil Publ., 2000. 381 p.
21. Herbstrith W. Edith Stein. Ein Lebensbild in Zeugnissen und Selbst-zeugnissen. Mainz, Grünewald Publ., 1993. 188 p.
22. Jani A. Edith Steins Denkweg von der Phänomenologie zur Seinsphilosophie. Würzburg, Königshausen & Neumann Publ., 2015. 402 p.
23. Koch U. Edith Stein. Eine kleine, einfache Wahrheit sagen. Biographischer Roman. Gießen, Brunnen Publ., 2005. 176 p.
24. Lebech M. The Philosophy of Edith Stein: from phenomenology to metaphysics. Wien, Lang Publ., 2015. 188 p.
25. Petermeier M. Die religiöse Entwicklung der Edith Stein. Eine Untersuchung zur Korrelation von Lebens- und Glaubensgeschichte. Frankfurt/M., Peter Lang Publ., 1998. 244 p.
26. Scheler M. Zur Phanomenologie und Theorie der Sympathiegefühle und von Liebe und Had. Mit einem Anhang iiber den Grund zur Annahme der Existenz des fremden Ich. Halle, Niemeyer Publ., 1913. 158 p.
27. Stein E. Fenomenologia getynsko-monachijska. Analizy. Wroclaw, TOTEM Publ., 2015. 204 p.
28. Stein E. Fenomenologia getynsko-monachijska. Zrodla. Wroclaw, Drukarnia Cyfrowa On-line Publ., 2014. 162 p.
29. Stein E. Kreuzeswissenschaft. Studie über Johannes vom Kreuz. Freiburg, Herder Publ., 2004. 266 p.
30. Stein E. Potenz und Akt. Studien zu einer Philosophie des Seins. Freiburg, Herder Publ., 2005. 318 p.
31. Stein E. Was ist Philosophie? Ein Gespräch zwischen Edmund Husserl und Thomas von Aquino. Erkenntnis und Glaube. Freiburg, Herder Publ., 1993. P. 19-48.
32. Stein E. Zum Problem der Einfühlung. München, Kaffke Publ., 1980. 133 p.
33. Volek P. Husserl und Thomas von Aquin bei Edith Stein. Nordhausen, Traugott Bautz Publ., 2016. 248 p.

Статья рекомендована к публикации д. фил. н., проф. О. О. Кораблевой (Российская федерация)

Поступила в редколлегию: 26.08.2016

Принята к печати: 17.10.2016